

Беррис фон Мюнхгаузен

Последний рыцарь

Избранные стихотворения
Перевод с немецкого Е. В. Лукина

Скифия

Бёррис фон Мюнхгаузен

Последний рыцарь

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

УДК 821.163.41
ББК 84(2Рос=Рус)6

Мюнхгаузен Б.

Последний рыцарь / Б. Мюнхгаузен — Издательско-Торговый
Дом "СКИФИЯ",

ISBN 978-5-00025-158-4

В книгу «Последний рыцарь» вошли избранные стихотворения выдающегося немецкого поэта Бёrrиса фон Мюнхгаузена (1874–1945) в переводе петербургского поэта Е. В. Лукина. Книгу дополнила статья Мюнхгаузена «Мои предки», повествующая о старинном аристократическом роде Мюнхгаузенов, среди которых самым известным оказался барон Карл фон Мюнхгаузен (1720–1797), прославившийся веселыми рассказами-небылицами. Кроме того, в данную книгу включены переводы Е. В. Лукина некоторых стихотворений немецкой поэтессы Агнес Мигель (1879–1964) – яркой представительницы школы Мюнхгаузена. Завершает издание рассказ о судьбе русской поэтессы Марии Волковой (1902–1983) – переводчицы стихотворения Мюнхгаузена «Веды».

УДК 821.163.41
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00025-158-4

© Мюнхгаузен Б.
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ"

Содержание

Рыцарь королевской поэзии	6
Ausgewählte Gedichte. Избранные стихотворения	10
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Бёррис фон Мюнхгаузен Последний рыцарь

Börris von Münchhausen
Der letzte Ritter

© Лукин Е. В., текст, перевод, составление, 2019

© Издательско-Торговый Дом «Скифия», оформление, 2019

* * *

Герман Штрук. Поэт Бёррис фон Мюнхгаузен. Офорт. 1920

Рыцарь королевской поэзии

Старинный аристократический род Мюнхгаузенов известен с давних времен. В 1228 году рыцарь Хейно был участником крестового похода под предводительством германского императора Фридриха Барбароссы. В этом походе погиб не только сам император, но и его верный рыцарь. С тех пор все сыновья и внуки Хейно, согласно преданию, либо погибали в битвах, либо умирали, не оставив потомства. Наконец, в живых остался только один из них – монах-отшельник, который в силу данного обета не мог иметь детей. Специальным указом монаха расстригли и вернули в мир, обязав завести семью. Так старинный род обрел не только известную фамилию Мюнхгаузен, что значит «дом монаха», но и герб, на котором изображен монах с книгой и посохом.

Мюнхгаузен прославились многими деяниями. Они не только участвовали в крестовых походах, но и служили кондотьерами испанскому королю, воевали за независимость США. Мюнхгаузен основали Геттингенский университет, были премьер-министрами Ганновера. Однако самым знаменитым из них оказался барон Карл Иероним Фридрих фон Мюнхгаузен (1720–1797) – ротмистр русской службы, прославившийся своими веселыми рассказами-небылицами.

Среди Мюнхгаузенов был также выдающийся поэт и фольклорист, имя которого сегодня несколько запечатлено в Германии, а в России известно лишь узкому кругу специалистов. Между тем, его оригинальное творчество заслуживает самого пристального внимания.

Бёррис Альбрехт Конон Август Генрих Фрайхерр фон Мюнхгаузен родился 20 марта 1874 года. Если отец будущего поэта принадлежал к старинному роду Мюнхгаузенов, то мать – к не менее старинному роду фон дер Габеленц. Клементина унаследовала от отца – крупнейшего лингвиста своего времени – знание более десятка языков. Она увлекалась литературным и художественным творчеством, ее картины пользовались широкой известностью, а стихи вызывали восторг публики. Маленький Бёррис с любопытством слушал ее сказки и увлекательные рассказы из древней германской истории. Мать научила своего сына несметному количеству народных песен, и тем самым заложила основу его будущего национального творчества.

«Мама была моим первым и лучшим другом, мои стихи доставляли ей особую радость, – вспоминал позднее поэт. – Отец слегка налегал на фактологию, он требовал, так сказать, правовой достоверности деталей и был недоволен, когда я отходил от фактов». Оно и понятно – отец начинающего литератора служил чиновником и впитал немецкую педантичность до мозга костей. Отсюда в стихах Мюнхгаузена те исторические и прочие подробности, которые порой мешают гармоничному развитию поэтического сюжета.

Бёррис фон Мюнхгаузен посещал монастырскую школу иезуитов, затем учился в университетах Гейдельберга, Мюнхена, Геттингена и Берлина. Изучал юриспруденцию, философию, литературу. Защитил докторскую диссертацию, стал доктором права. Но точные формулы правовой науки мало интересовали молодого барона. Его настоящей страстью была поэзия. В 1897 году вышла первая книга Бёрриса фон Мюнхгаузена, которая засвидетельствовала рождение нового талантливого поэта. К тому времени им уже были созданы такие стихотворения, как «Набег гуннов», «Мать Мария», «Веды» и другие шедевры.

На рубеже XIX и XX веков Бёррис фон Мюнхгаузен основал Геттингенский поэтический кружок, издававший собственный журнал под названием «Геттингенский альманах муз». Его участниками стали молодые талантливые поэтессы Агнес Мигель и Лулу фон Штраус унд Торней. «Геттингенцы» исповедовали идеи северогерманского неоромантизма, проявляя особый интерес к метафизике народного исторического бытия. Этим объяснялась их приверженность жанру баллады, в том числе на средневековые и мистические темы.

Сам руководитель кружка увлекался не только миром германских сказаний и мифов. Он много путешествовал по странам Европы – от Англии и Швеции до Италии и Латвии, даже бродил с цыганским табором. Во время этих странствий его привлекали в равной мере и старинные цыганские романсы, и древние иудейские предания. «Он любил древний иудаизм и старых маккавейцев, укоренившихся в его традициях, – отзывался о поэте его близкий друг Сэмми Гронеман. – Он ненавидел ассимиляцию и не понимал, как может еврей чувствовать себя иначе, чем аристократом». А берлинская еврейская газета «Вельт» писала о нем: «Всегда симпатичный барон фон Мюнхгаузен прямо и ясно высказывает свое мнение. Он называет сионизм пробуждением гордого аристократического сознания благородного народа».

Однажды в Берлине поэт познакомился с талантливым художником Эфраимом Лилиеном – основателем немецкого югендстиля. Бёррис фон Мюнхгаузен прочитал ему свои баллады на библейские темы, и художник пришел в неописуемый восторг – ему захотелось во что бы то ни стало проиллюстрировать эти прекрасные стихотворения. Поэт пригласил его погостить в тюрингском родовом замке Виндишлойбе, где Лилиен с энтузиазмом принялся за работу. Поэтическая книга «Иудея» с иллюстрациями Лилиена увидела свет в 1900 году. Знаменитый писатель Стефан Цвейг назвал это издание «россыпью драгоценностей»:

«Мне незачем славить стихи барона Мюнхгаузена, он известен как первый и наиболее сильный поэт немецкого модерна, – писал Цвейг. – Но в этой книге он особенно проявил свою интереснейшую творческую индивидуальность, она сурова и энергична, в его стихах, словно рубины, мрачно пылают картины, освещенные убеждающим пафосом псалмов и песней. Могучая, Сам-сонова сила Ветхого Завета, темный, экстатичный ритм песней – все это найдено человеком, выросшим на культуре, очень далекой от древнееврейской. Нет, еврейское восприятие Библии не могло стать родственным, близким барону Мюнхгаузену – его чистота расы делает это невозможным – образ мышления и форма языка Книги книг обновляются в его звуковых стихах. Лишь Лилиен находит решение, компромисс, сочетая в некоторых исполненных тоски по родине картинах монументальность старого искусства – строгое формирование контуров и внезапное контрастирование плоскостей – с сентиментальными элементами, присущими искусству модерна. Он парафразирует стихи, пересказывает их языком художника, декоративными приемами создает некое единство, подцвечивает свои рисунки старонародными белоголубыми красками родины, окружает их терниями, освещает серебряными звездами Сиона».

Нарядный книжный альбом, сочетающий стихи на библейские сюжеты и рисунки с древней иудейской символикой, привлек внимание религиозных и сионистских деятелей, которые рекомендовали его для семейного чтения и воспитания молодежи.

Следом за «Иудеей» Бёррис фон Мюнхгаузен выпустил «Книгу рыцарских песен» (1903) и сборник «Сердце под кольчугой» (1911). Эти издания создали ему славу воскресителя подлинной немецкой баллады. В последующем баллады составили огромную часть его произведений. Всего он сочинил около 200 баллад, называя этот жанр «королевской поэзией». В своем понимании балладного жанра поэт ориентировался на мнение немецкого классика Иоганна Вольфганга Гете.

«В балладах есть что-то мистериозное, но не мистическое, – отмечал Гете. – Таинственность баллады берет начало в манере исполнения. Певец неизменен в своей выразительной теме, своем изображении, его действия и движения так глубоки в сознании, что он не знает, как извлечь это на свет Божий. При этом он пользуется всеми тремя основными видами поэзии, чтобы потом выразить, чего достигает сила воображения, над чем должно размышлять. Он может начать лирично, эпически, драматично, а после, по своему усмотрению меняя формы, продолжает спешить к концу или медленно продвигаться издалека... Впрочем, было бы хорошо остановиться в своих высказываниях о выборе таких стихов всей поэзии, потому что здесь элементы еще не классифицированы, а как в живом зародыше находятся вместе, и это можно только обдумывать, чтобы чудесный феномен на золотых крыльях поднять в воздух».

Понимая, что баллады требуют особой манеры исполнения, Мюнхгаузен стремился не читать, а исполнять свои баллады во время бесчисленных поездок по Германии. Выступая перед заинтересованной аудиторией, он искал прямой контакт со слушателями. Рыцарские баллады и стихи на историческую тематику содействовали его необычайной популярности. Его книги выходили полумиллионными тиражами и почти сразу раскупались. На его стихи сочинялись песни, которые со временем становились народными. А песня «На той стороне» и поныне звучит у туристского костра.

С началом Первой Мировой войны поэт, будучи офицером Королевской саксонской кавалерии, отправился на фронт. Спустя два года его перевели в распоряжение Иностранного отдела Генерального штаба. Поражение Германии он переживал как личное несчастье. После войны всецело отдался литературе.

В Веймарской республике, наверное, каждый второй писал баллады. Королевский поэтический жанр стал уличным товаром. Мюнхгаузен начал борьбу за чистоту жанра: он писал критические статьи и заметки о своем понимании искусства и жизни. В конце концов, ему пришлось стать защитником народной литературы и одновременно острым критиком немецкого экспрессионизма, яркими представителями которого были поэты Ганс Йост и Готфрид Бенн.

Полувековой юбилей Бёррис фон Мюнхгаузен отметил итоговой «Книгой баллад». Пожалуй, это было наиболее полное собрание его замечательных творений в данном «королевском» жанре. По достоинству оценили творчество поэта и его товарищи по литературному цеху: Мюнхгаузен был избран президентом Германской академии поэзии и удостоен ряда литературных премий. Но особенно ценную награду преподнес немецко-израильский художник Герман Штрук, великолепный мастер графики и литографии, который славился талантом создавать портреты. Его галерею украшали образы таких великих современников, как Альберт Эйнштейн, Фридрих Ницше, Генрих Ибсен, Зигмунд Фрейд, Оскар Уайльд. Вскоре это почетное собрание пополнил офорт с изображением Бёрриса фон Мюнхгаузена.

В тридцатые годы поэт постепенно отошел от активной литературной деятельности. Тем не менее, он сумел подготовить и издать «Антологию еврейской поэзии» (1941), что явилось откровенным вызовом идеологической машине Третьего рейха. Вокруг Мюнхгаузена сгруппировался Вартбургский круг поэтов, в определенной степени противостоявший нацистскому Союзу немецких писателей во главе с группенфюрером СС поэтом Гансом Йостом и его другом Готфридом Бенном. Среди завсегдатаев Вартбургского круга были старые друзья из Геттингенского кружка – поэтессы Агнес Мигель и Лулу фон Штраус унд Торней. Они ежегодно встречались в Вартбурге, где присуждали Серебряную розу лучшим представителям национальной литературы. Одновременно, будучи президентом Германской академии поэзии, поэт всеми силами сопротивлялся влиянию главного идеолога нацизма доктора Геббельса.

В последнее время Мюнхгаузен жил в родовом замке Виндишлойбе неподалеку от Дрездена. Накануне 1945 года умерла его жена Анна. Семидесятилетний поэт остался в полном одиночестве. Изредка его навещали друзья, которых он потчевал последними запасами. И, прощаясь, говорил: «Если мне дела не понравятся, я тут же уйду к Анне». В феврале 1945 года англо-американская воздушная армада нанесла страшный бомбовый удар по Дрездену. Погибли сотни тысяч мирных жителей. Многие, покинув горящий город, нашли приют в замке Мюнхгаузена. Эта трагедия потрясла старого поэта. Завещав потомкам свое последнее стихотворение «Незаменимые», он 16 марта 1945 года покончил жизнь самоубийством, не желая второй раз видеть позор и унижение Германии.

* * *

В историю литературы Бёррис фон Мюнхгаузен вошел как автор замечательных баллад, повествующих о рыцарской доблести, верности и нежной любви. Однако на русский язык

они толком не перелагались. Переводы отдельных стихотворений осуществили такие известные литераторы, как Аркадий Штейнберг, Савелий Тартаковер, Сэм Симкин. В данной книге переводчик предлагает читателям корпус переводов избранных стихотворений поэта, характерных для его творчества. Кроме того, сюда включена статья Мюнхгаузена «Мои предки», а также переводы некоторых стихотворений участницы Геттингенского кружка поэтессы Агнес Мигель. Завершает издание рассказ о судьбе русской поэтессы Марии Волковой – переводчицы стихотворения Мюнхгаузена «Веды».

Евгений Лукин

Ausgewählte Gedichte. Избранные стихотворения

Der Romfahrer

Weißverschneite Weserberge,
Winterstilles Heimatland, —
Vor mir steht der welsche Ferge
Auf der Gondel schmalem Rand.

Und wie die Paläste steigen
Aus den Fluten wunderbar,
Muß ich in die Hände neigen
Still das heimzerzauste Haar.

Meiner Heimat Buchenwälder
Liegen im Dezemberschnee,
Über meiner Heimat Felder,
Äsung suchend, geht das Reh.

Und im Dorf die Kinder bauen
Männer, wenn die Flocken schnein,
Meiner Heimat stille Frauen
Spinnen schon am Winter-Lein.

Meiner Heimat Tannenreiser
Duften bis zum welschen Strand, —
Meine Faust gehört dem Kaiser,
Doch dies Herz dem Vaterland.
1899

Римский возница

Везерские горы под снегом,
Под снегом родная земля...
Скрипя деревянным ковчегом,
Возница встречает меня.

Дворцы удивительных зодчих
Встают из холодной реки.
Смежаю печальные очи,
Сжимаю руками виски.

И вижу сквозь белую выюгу
Мой буковый лес наяву,
Где бродит олень по яругу,
Все ищет под снегом траву.

И дети мужают в деревне,
Где выюга гуляет одна,
И женщины с благостью древней

Прядут зимний лен у окна.

И слышится римскому краю
Дыханье еловых ветвей...
Мой меч посвящен государю,
А сердце – Отчизне моей.

Der Page von Hochburgund

Ich bin der Page von Hochburgund
Und trage der Königin Schleppe,
Heut lachte ihr Mund, heut sprach ihr Mund
Auf marmorner Pfeilertreppe:

Page, was hobest du heimlicherweis
Zur Lippe der Schleppe Litzen?
„Page, ich glaube, du küßtest leis
Am seidenen Saume die Spitzen!“

Auf meine Knie warf ich mich hin
Und bat um Gnade mit Stocken,
Da lachte die junge Königin
Und zauste in meinen Locken:

„Die Heide dampft, und die Stute stampft,
Zur Strafe – darfst du mit jagen;
Der Falke, der sich um den Handschuh krampft,
Meinen Falken, den sollst du tragen!“

Und wir ritten vondann, fern blieb das Gefolg,
Und ein Lachen lag mir im Blute,
An meiner Seite tanzte der Dolch,
Und unter mir tanzte die Stute.

Wir hielten am Hag zwischen Heide und Tann,
Wo der Sturm die Esche zerbrochen,
Die Königin sah mich seltsam an
Und hat ganz leise gesprochen:

“Mir bot die goldberingte Hand
Der König von Kastilien,
Und bot mir seiner Väter Land
Und seines Wappens Lilien,

Wohl schimmern die Lilien silberfahl,
Und im Land aufleuchten die Schlösser, —
Dein Lachen ist silberner tausendmal,
Deiner Augen Leuchten ist besser!“

Ich bin der Page von Hochburgund

Und trage die weiße Seide,
Ich küßte heut einer Königin Mund
Beim Reigerzug auf der Heide.

Ihre blasse Lippe ward rot vom Kuß,
Und wollt ihr das Ende wissen,
Es schweigt mein Mund, weil er schweigen muß
Von einer Königin Küssen!
1898

Паж из Верхней Бургундии

Я – паж, и за шлейфом хожу день-деньской,
Служу королеве бургундской.
Сегодня она говорила со мной
На мраморной лестнице узкой:

«Поведай, так трепетно ты почему
Касаешься шлейфа губами?
Мне кажется, паж, ты целуешь кайму,
Усыпанную жемчугами!»

Я пал перед ней на колени, моля:
«Прошу не наказывать строго!»
В ответ госпожа улыбнулась моя,
Поправила локон немного:

«Ты видишь, как сокол перчатку когтит,
Как топчется лошадь на месте?
Одно наказание тебе предстоит —
Со мной поохотиться вместе».

И мы понеслись – так, что ветер отстал
И знатная свита отстала.
Мой конь вороной подо мною плясал
И шпага на ленте плясала.

Где висится дуб, опаленный огнем,
И ельник разлапистый слева,
Оставшись вдвоем на лугу голубом,
Призналась моя королева:

«Сегодня мне руку свою предложил
Кастильский властитель надменный.
От замков ключи он к ногам положил,
А рядом свой герб драгоценный.

Горит на гербе серебро и топаз,
Сияют ключи среди ночи...
Твой смех серебритее в тысячу раз,

Лучистее юные очи».

Я – паж, и за шлейфом хожу день-деньской,
Служу королеве по чести.
Ловлю на лету поцелуй неземной,
Когда мы охотимся вместе.

А если, возможно, хотите узнать,
Что было потом на свиданьях,
То я ничего не смогу вам сказать,
Затем что молчу при лобзаньях.

Die Boten

Die Herzogin von Sagan,
– Schön war sie wie der Tag, —
Die Herzogin von Sagan
In böser Fehde lag.

Die Herzogin von Sagan
Einen Krämer sandte aus,
Zu holen Parm von Oheimb, —

Der Bote kam still nach Haus,
Der Bote zog schief die Schultern
Und schief sein Schelmenmaul:
„Parm von Oheimb ist zum Kriegen
Ja viel zu dumm und faul!

Ich bot ihm weißes Silber,
Ich bot ihm gelbes Gold,
Ich bot ihm Diamanten,
Er hat sie nicht gewollt.

Frau Herzogin, da sagt ich:
Junker, ich mach euch reich! —
Er gab mir still zu Antwort
Einen groben Backenstreich!“ —

Die Herzogin von Sagan
Lächelte matt und leer
Und hieß den Krämer gehen
Und atmete tief und schwer.

Der Schloßkaplan, der greise,
Als zweiter zog er aus,
Er ging hochmütigen Schrittes
Und kam demütig nach Haus.

Es hob der Mönch vom Boden

Eine Handvoll welkes Laub,
Und von den Sandelriemen
Wischt langsam er den Staub:

„Ich hab dem Ritter geboten
Aller Truppen Oberbefehl,
Meine Worte waren ihm Plunder,
Meine Bitten gingen fehl!

Die Zeit ward fromm und feige
Und war doch fromm und frei, —
Wir zwingen kaum die Neige
Im Lebensbecherturnei!“

Und als er kaum gesprochen,
Da tritt der Narr herein:
„Die Söldner wollen nicht fürder
Einem Weibe zu Diensten sein!

Und kamen Krämer und Priester
Abgewiesen nach Haus,
So sende du jetzt deinen Narren
Auf bessere Nachricht aus!“

Die Herzogin sann und seufzte,
Und als der Narr sie bat,
Ein Kränzlein flocht sie aus Rosen,
Roten Rosen aus seinen Rat.

Der Narr ging schnell von hinnen
Zum tapfersten Blut im Land
Und lachte, als er den Ritter
Parm von Oheimb auch seufzen fand.

„Du Wal der Welle, du Leu des Lands,
Du Aar im Ätherblau,
Ich bin zur Stelle mit Kron und Kranz
Der allerschönsten Frau!

Sie schickt die rote Rosenkron
Als Gruß und Talisman,
Sie schickte noch viel bessern Lohn,
Wärest du ihr Feldhauptmann.

Und andre Dinge weiß ich noch,
Weiß doch nicht, was sie verspricht, ...
Ich solls nicht sagen und sag es doch, —
Aber besser sag ich es nicht!“ —

An des Ritters Schenkeln und Armen
In prallen Strähnen sprangs auf,
Wie Tannenwurzeln im Forste
Sich recken und strecken zuhauf.

Aufsprang er leuchtenden Auges
Und rief in den Hof „Ich will!“ —
Kurz, hart klopften da die Trommeln,
Und die Pfeifen schrien schrill,

Und Reisige rannten und fluchten,
Und Pferde bäumten sich groß,
Und Knechte liefen und lärmten:
„Parm von Oheimb geht los!“

Und ehe der Narr sich erhoben,
Sprengte Oheimb dem Zuge voraus,
– Sein Herz klang wie ein Glockenspiel
In den Junimorgen hinaus. —

Zu Fuß der Narr fortstapfte
Hinter dem Zuge drein,
In jedem Krug am Wege
Trank er eine Kanne Wein.

Und als er kam den Sagan
Am dritten und vierten Tag,
Da klangen die Siegesglocken
Zum Hochzeitsglockenschlag.
1904

Гонцы

Герцогиня фон Саган
И прекрасна, и мила.
Герцогиня фон Саган
Как могла войну вела,

Повелев без лишних слов
Торгаша отправить в путь,
Чтоб нашел ее любовь
И задобрил чем-нибудь.

Был посланник из плутов
И принес худую весть:
«Рыцарь, – говорит, – готов
Без причины в драку лезть.

Прихватил я для него
Золото и серебро,

Но не взял он ничего,
Не польстился на добро.

Я богатство посулил,
Перед ним мошной звеня,
Но в ответ он угостил
Оплеухою меня».

Герцогиня фон Саган
Прохиндея прогнала...
Обволок глаза туман,
Душу грусть обволокла.

Через день – другой гонец —
Горделивый капеллан —
Постучался во дворец
Герцогини фон Саган.

Осенив крестом чертог,
Он через порог шагнул
И с нечищенных сапог
Пыль дорожную стряхнул:

«Я герою предложил
Стать вождем и вскинуть меч,
Но бесплоден был мой пыл
И была напрасной речь.

А ведь были времена,
И на весь подлунный мир
Славил наши имена
Каждый рыцарский турнир».

Тут ввалился шут и хват
И давай гонцов честить:
«Эти служки не хотят
Даме службу сослужить.

Нет ни толку от креста,
От мошны ни толку нет.
Так пошли ты в путь шута —
Он исполнит твой завет».

Герцогиня приняла
Предложение наглеца,
И венец ему свила,
Воздыхая у крыльца.

Шут, найдя заветный дом,

До икоты хохотал,
Потому что под крыльцом
Рыцарь тоже вздыхал:

«Рыцарь! Царственный орел!
Храбрый лев земель и стран!
Я к тебе с венцом пришел
От красавицы Саган.

Сей венец девица шлет
Как привет, как талисман,
И тебя награда ждет,
Благородный капитан.

Ах, я знаю кое-что,
Но почто я знаю, что
Лучше и не знать ничто,
Чем болтать про кое-что».

Рыцарь был, как древний бор,
Кряжист, темен и коряв,
Только озарил простор,
Вдаль очами засверкав.

«Сбор!» – воскликнул капитан,
И пустилась канитель:
Разошелся барабан,
Разутешилась свирель.

Ржали кони у ворот,
Мчались всадники в поход,
И кричал кругом народ:
«Парм Оаймб, вперед, вперед!»

Рыцарь, грезой влеком,
За собою вел отряд,
И звенело сердце в нем,
Будто утренний набат.

А за ними вдалеке
Плелся шут, едва живой,
В каждом встречном кабаке
Выпивая штоф хмельной.

Наконец, явился он
К герцогине во дворец:
Там уже струился звон
Свадебных колоколец.

Schloß in Wiesen

Hinter der Pleiße steht
Schwarz eine Wetter-Wand,
Regen in Schauern weht
Über das Oster-Land

Wirbelt vom Roggen-Feim
Halme zum Schloß im Tal, —
Wäre ich erst daheim
In dem dämmrigen Saal!

Wie ein Falke im Sturm
Treibt meine Sehnsucht hin
Zu dem umregneten Turm
Und meiner Königin.
1918

Замок в лугах

За темной рекою, за лесом
Стоит непогода стеной,
И ливень, стуча по навесам,
Идет над пасхальной страной.

Кружится по ветру солома
И стелется к замку в лугах.
Ах, лучше, наверное, дома
В ненастье сидеть при свечах.

Любовь не удержишь стенами —
Несется, крылами звеня,
К той башне, укрытой дождями,
Где ждет королева меня.

Birken-Legendchen

Birke, du schwankende, schlanke,
Wiegend am blaßgrünen Hag,
Lieblicher Gottesgedanke
Vom dritten Schöpfungstag!

Gott stand und formte der Pflanzen
Endlos wuchernd Geschlecht,
Schuf die Eschen zu Lanzen,
Weiden zum Schildegeflecht.

Gott schuf die Nessel zum Leide,
Alraunenwurzeln zum Scherz,
Gott schuf die Rebe zur Freude,
Gott schuf die Distel zum Schmerz.

Mitten in Arbeit und Plage
Hat er ganz leise gelacht,
Als an den sechsten der Tage,
Als er an Eva gedacht.

Sinnend in göttlichen Träumen
Gab seine Schöpfergewalt
Von den mannhaften Bäumen
Einem die Mädchengestalt.

Göttliche Hände im Spiele
Lockten ihr blonden das Haar,
Daß ihre Haut ihm gefiele,
Seiden und schimmernd sie war. —

Biegt sie und schmiegt sie im Winde
Fröhlich der Zweigelein Schwarm,
Wiegt sie, als liegt ihr ein Kinde
Frühlingsglücklich im Arm.

Birke, du mädchenhaft schlanke,
Schwankend am grünen Hag,
Lieblicher Gottesgedanke
Vom dritten Schöpfungstag.
1910

Легенда о березе

Зелеными ветками вея,
Береза стоит у плетня —
Чудесная Бога идея,
Творение третьего дня.

Господь был велик и прекрасен,
Творя на земле красоту —
И клен, и рябину, и ясень,
Лесную лужайку в цвету.

С рассвета трудясь до заката,
Он щедро раздаривать мог
Для счастья – лозу винограда,
От горести – чертополох.

И, свыше внимая напеву,
Он вдруг улыбнулся, когда
Задумал красавицу Еву
Создать на шестой день труда.

Мечтой окрыленный небесной,
Он этим занялся чуть свет,

И вот из породы древесной
Девичий возник силуэт.

Коса ее, с ветром играя,
Волшебной струилась рекой,
И кожа ее молодая
Мерцала под Божьей рукой.

И каждую тонкую ветку
К груди прижимала она,
Как будто баюкала детку,
Желая блаженного сна.

И с той поры, ветками вея,
Береза стоит у плетня —
Чудесная Бога идея,
Творение третьего дня.

Mutter Maria

Das letzte Lied verklang vom hohen Chore,
Und einen letzten Segen sprach der Priester.
In stillen Beten neigten sich die Häupter
Der Gläubigen, und dann mit flüchtigem Finger
Das letzte Kreuz auf Stirne, Mund und Brust.
Und mächtig fiel die Orgel wieder ein,
Hinschlürften tausend Füße zum Portale,
Und von den vielen Händen zitterte scheu
Im Marmorbecken das geweihte Wasser.

Der Küster kam und blies die Lichte aus,
Das letzte glomm, verglomm so schnell und ängstlich,
Wie aus dem Sterbehaus der letzte Gast
Mit scheuem Rückblick auf die Straße eilt.

Und Einsamkeit mit großen Augen stand
Am Hochaltar, hoch über dem im Bogen
Des Kreuzgewölbes facht der letzte Atem
Des Weihrauchs flüchtig wehte und zerging.

Da raffte auf behutsam ihr Gewand
Maria und sah vorgebeugt hernieder,
Daß eben frei der schmale weiße Fuß,
Dann faßte sorglich fester ihre Hand
Um Jesus, und vom heiligen Bilde droben
Stieg sie ins Schiff der öden Kirche nieder.

Des Kleides Zipfel zog sie sorglich wärmer
Um ihren nackten Knaben, der schon schläfrig
Mit zärtlicher Hand nach ihrer Wange griff,

Und ging mit leichten wiegenden Schritten auf
Und ab den freien Platz am Hochaltare
Leis sumnte sie ein kindlich Schlummerlied.

Am Mittag war es. Draußen auf der Straße
Im weißen Mehlstaub schilpten laut die Spatzen,
Von fern im Dorf klang helles Mädchenlachen
Und Ringel-Ringel-Reihen-Rosenkranz,
Dazwischen langgezogene leise Töne
Der Zieh-Harmonika, die immer wider
Das traurige Lied verwaister Liebe spielte,
Das alte Lied „Ach, wie ists möglich dann“...

Maria lauschte auf die fernen Klänge,
Und um das vorgeneigte schmale Haupt
Hinflossen glänzend durch die bunten Fenster
In hundert Farben wirre Sonnenlichtsträhne.

Beim Auf – und Abgehn blitzte plötzlich hell
Ein gläsern Perlchen auf der Mozaik
Des Bodens, – wohl von einem Rosenkranze.
Da lächelten die dunkelroten Lippen
Der Jüdin, und wehmütig lächelnd schob
Sie mit dem weißen Fuß die Perle fort.

Aufwachte Jesus da, und seine Ärmchen
Umschlungen zärtlich seiner Mutter Hals,
Und immer wieder küßten sie die beiden.

Maria aber ging zum Chorgestühl
Und setzte sich, es flocht sich schwarz ihr Haar
Durchs dunkle Blattwerk der geschnitzten Lehne,
Ihr blaues Kleid schob vorn sie auseinander,
Und eine leichte Röte überflog
Die halbgesenkte hohe, weiße Stirn,
Dann stillte sie das Kind.
Mit beiden Händchen
Griff da der Knabe nach dem vollen Busen,
Die weiche Knospe seines feuchten Mündchens
Hing an der Brust, die zwischen bleichen Fingern
Das Weib ganz sanft dem Kind entgegenbrängte,
Das trank und trank und sah voll tiefen Glücks
Zur Mutter auf, die selig lächelte
Mit wimperdunkeln, süß verträumten Augen.

Ganz still, ganz still wars in dem hohen Raum, —
Die Fliegen sumnten droben an die Scheiben,
Und ein verirrter Falter saß am Fenster
Und schlug die seidnen Flügel auf und nieder.

Von Zeit zu Zeit nur klang ein fröhlich Schnalzen,
Wenn tief der Knabe frischen Atem holte.

Und leise rankte um mächtgen Säulen
Und blühte bis hinauf ins Bogendämmer
Das alte jüdische Kinderlied...

1897

Мать Мария

Последняя молитва отзвучала
И прихожан благословил священник.
Склонились головы послушной паствы,
Коротким одноперстием осенившей
Свое чело, уста, а также сердце.
Опять орган обрушился всей мощью,
Прошаркали к порталу прихожане,
И трепетала от прикосновений
В сосуде освященная вода.

Вот пономарь задул поспешно свечи,
Что в полутьме тревожно догорали,
Как будто из пристанища чужого
Последний постоялец удалялся.

Безмолвие с печальными очами
Над потемневшим алтарем повисло,
И ладана ослабшее дыхание
Чуть слышалось под сводами собора.

Подобрала Мария одеянье —
Так, что ступня немного обнажилась,
И, долу наклонившись, посмотрела.
Обняв покрепче спящего Младенца
И краем платья потеплей укутав,
Она от вышних образов святых
Спустилась вниз на мраморные плиты,

А там пошла воздушными шагами
На место за алтарным полукругом,
Тихонько колыбельную мурлыча.

Был полдень. И над площадью соборной,
Чирикая, кружились воробьи,
Звенел девичий смех неподалеку
И песенка звучала про розарий.
А между ними мягкими тонами
Переливалась грусть аккордеона,
Все повторявшего одну и ту же
Чудесную мелодию любви:

«Ах, неужели это так возможно...»

Мария дивной музыке внимала
И слезы на глазах Ее блестели,
В которых отражалось многоцветье
Исполненных сиянья витражей.
Внезапно перед Нею засверкала
Жемчужинка на мраморной плите, —
С оконного розария, должно быть.
Печальная улыбка пробежала
По лику Приснодевы, и Она
Жемчужинку ступнею оттолкнула.
От легкого толчка Иисус проснулся
И с нежностью к Ней ручки протянул,
И стали Мать с Младенцем миловаться.

Она в алтарь прошествовала тихо
И села с краю на скамью резную,
Где иереи часом отдыхали.
Привольно Ее волосы струились,
Переплетаясь с лиственной резьбой,
Топорщилось простое одеянье,
И радостный румянец мимолетом
Ее высокого чела коснулся.

Потом Она кормила Иисуса.
Он ручками своими обхватил
Ее святую грудь, и влажный ротик
К набухшему прильнул сосцу, который
Придерживала пальцами Она.
Он пил и пил, помалу насыщаясь,
Его глаза сияли полным счастьем,
Когда смотрели на родную Мать.
Она в ответ блаженно улыбалась,
И взгляд Ее задумчивый парил.

И тишина царила в Божьем храме.
На солнечном окне жужжали мухи
Да мотылек, случайно залетевший,
Вдоль рамы крылышками шелестел.
Лишь чмокание Младенца раздавалось,
Когда дыханье Он переводил.

И тихо-тихо поднимался ввысь,
В глухую темноту крестовых сводов,
Старинной детской песенки напев.

Der alte Herr

„Kennst du nur den alten Herren,

Der zur selben Mittagstunde
Täglich durch dieselben Straßen
Seine Promenade macht?“

„Ja, ich kenne ihn, er wohnt
In dem stillen Vorstadthäuschen,
Wo der Lärm der Pferdebahnen
Nur wie fernes Rauschen klingt.

Meißner Porzellangespräche
Führt er oft mit einer alten,
Feinen, kleinen, weißgelockten
Dame, die er einst geliebt.

Und sie sitzen ehrsam beide
Hinterm zierlich weißen Teetisch,
Höflichkeiten alter Mode
Schweben duftig hin und her.

Küßt ihr dann das welke Händchen,
Nimmt graziös noch eine Prise
Aus der kleinen Silberdose,
Sagt „Adieu“ und stöckelt heim“.
1896

Старый господин

«Вы, конечно же, знакомы
С этим старым господином,
Что в одно и то же время
Совершает променады?»

«Да, знаком! Он обитает
В тихом загородном доме,
Где трезвон проезжей конки
Слышится едва-едва.

В живописном павильоне
Он беседует частенько
С пожилой изящной дамой,
Что когда-то обожал.

Чайный столик сервирован
Тонким майсенским фарфором.
Веет над прекрасной парой
Аромат былых времен.

Он целует ее руки
И, галантно угостившись
Из хрустальной табакерки,

Говорит в дверях: «Адью!»

Der Letztedes Geschlechtes

“De ole Stamm verböorte, ick bün de letzte Tweig,
De edelen grönen Bladder, de wörn all dot un bleich,
Nu bün ick de letzte Büsken in de Grafschaft Schauenburg,
Un bün de letzte Büsken de Lande durch.

Im Sadelhove to Oldendorp satt ick twintig Jahr,
Un drüttig Jahr min Edelmannsitz de Perdesattel war,
– Nu griep ick nimmermehr tom Sprung in eenes Perdes Mähn,
Nu schalln min Lehen hebben mine Schwiegersähn.

Asche von Kramm schall nochmal tom Weserlande kehrn
Mit Börries von Mönckhusen vom Hove Apeiern,
Darto de edelen Herren von de Süntel – un Deister-Lehn,
Se schalln tom letzten Male en Büsken fern!“

Da kamen angeritten von dem Rottorps aus Hülsede Klaus,
Die Marenholtz und Oheimbs, ein Alten und Der von Haus,
Und Stolzenberg, der treue, Arnswaldt von Rethemer Moor,
Ein Zerssen und ein Holle und Hake aus Ohr.

Und Jobst von Lenthe drückten die neunzig Jahre nicht schwer,
Er ritt mit sieben Söhnen und Bock von Wülfinen her, —
Sie alle trafen noch einmal beim letzten Büschen zusamm,
Dazu seine Schwiegersöhne Münchhausen und Kramm.

Und vor den Zeugen allen gab Lehen er und Land
Mit allem Zins und Fronen den Söhnen in die Hand.
Dann sprach er: „Die Sitte was jümmer bi olen Geslecht,
So lat us ole Sitten ok wahren recht!“

Da reichte Jobst von Lenthe den rostigen Helm ihm her,
Anschnallte Alten die Sporen, und Kramm gab ihm den Speer,
So schritt er stark gewaffnet aus dem Sattelhofe heraus

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.